

„Сов. культура“, 1975, 19 авг

ХУДО

РУБЕЖИ АРМЯНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Плодотворно развиваясь, армянская драматургия вносит своеобразные краски, мотивы, обогащает открытиями все жанры нашей многонациональной драматургии — комедию, драму, трагедию. На примере армянской драматургической литературы видишь замечательные плоды взаимообогащения социалистических культур, общность поисков и интересов, конкретность того великого процесса, который мы называем сотрудничеством наций в жизни, в искусстве и литературе.

Для армянской драматургии характерна разработка интеллектуальной драмы. Авторы в своем творчестве берут самые трудные рубежи: проникают в психологию, нравственный мир современника, встают над узостью быта, над вековыми традициями и стремятся постигнуть «подспудные» движения истории.

Драматурги работают с большой творческой отдачей — их пьесы постоянно идут во всех восьми театрах Армении. Но, к сожалению, очень редко выходят на сцены других республик и в том числе театров РСФСР. Над этим стоит задуматься. Не все благополучно у наших друзей и в их взаимоотношениях со «своими» театрами. Об этом, к примеру, говорят такие цифры. За три года Министерство культуры Армянской ССР приобрело 55 пьес, из них 35 по линии госзаказов, свет же рампы увидело только 30.

Но язык цифр — одно дело, а наши суждения о пьесах — другое, тут могут быть и совпадения, и разногласия. Пьесы армянских драматургов в основном посвящены проблемам современности. В них правдиво, подчас с философским уклоном отображаются конфликтные ситуации, авторы стремятся к укрупненным образам, к «личностной» типизации. Не камерные, не «домашние» темы избирают писатели: они склонны изучать заинтересовавший их процесс в диалектике, в борьбе. В драмах «Отчий дом» З. Халафяна, «В зените» А. Араксманяна, «Удар молнии» Л. Карагезяна, «Мы и куклы» А. Санниана, «Анонимное письмо» А. Барсеяна исследуются различные пласты современной жизни. Их достоинство, как и просчеты, в какой-то мере характерны для сегодняшнего состояния армянской драматургии и этим весьма поучительны.

З. Халафян точно определил жанр своей пьесы «Отчий дом»: «Народная драма в двух частях». Взяв за основу историю семьи Унана, живущую в высокогорном

ауле, драматург воспел героизм, силу народного духа. Война с фашизмом проследжена как бы через увеличительные линзы, направленные не на батальи, а на чувства, мысли людей, на события, происшедшие в ауле, затерянном между скал. Народная жизнь в тревоге и горе, гибель в бою Минаса, предательство его старшего брата, проклятого за это родным аулом, — все собирается в пьесе в емкую поэтическую метафору: отчий дом с дубовым столом, с очагом, с теплом материнских рук — это и есть Родина. Отлично написанная пьеса освещена светом романтики.

Драма «Удар молнии» Л. Карагезяна переносит нас в другое время, ее тема: человек в условиях технической революции, его интеллектуальный мир. Пьеса выступает за активную доброту, способную победить зло. В кризисном положении оказывается ученый Микаэл Тимирян. Директор института, чтобы снять ответственность с себя, объявляет его виновным в неудавшемся эксперименте и в том, что, стрессив, Микаэл обрек тем самым товарища на увечье. Будучи человеком добрым, мягким, он не в силах оправдаться. И все же Микаэл Тимирян принимает бой... Но хорошая драма, напоминающая мне героев граничного романа «Иду на грозу», к финалу сбивается на схему. На авансцену выходит запрограммированный автором злодей, заваривший коварную интригу — лживый Дадаян. Далее все угадывается заранее: злодей наказан, добро торжествует...

Умение завязать конфликт — одна из сильных сторон армянских драматургов. «Бесконфликтность» явно чужда самой природе их творчества, их манере драматургического «письма». Однако этот выход на конфликт, серьезную проблему не всегда получает истинно драматургическое разрешение, не выливается порой в психологически мотивированной развязке, в действиях героев.

Пьеса А. Санниана «Мы и куклы» подкупает искренностью и тщательной, почти ювелирной отделкой образов. Узнаешь: драма принадлежит перу талантливого прозаика. Поэтично выписаны люди, дворик, населенный многими семьями. Но, к сожалению, не обошлось без просчетов: события и люди описываются подробно, а действие приглушается, драма движется в замедленных ритмах.

Тихо, спокойно живет с дочерью-подростком не очень молодая женщина Астхик, она работает в кукольном театре, шьет куклы. Астхик смотрит в окно, видит «человека со спины», он ей напоминает умершего мужа. А у этого мужчины ревнивая жена...

Однако драматический кон-

фликт сложнее. Соседи — хапуги и накопители, мещане — влезают в жизнь Астхик, изгоняют ее с насиженного места. По их логике все возможно: молодожены должны остаться рядом с родителями, а одинокой женщине можно найти квартиру в другом районе города. Что? Она возражает? Говорит, что на стенах — рисунки мужа, простите, это же пустяки. Тут судьба детей, их будущее... Словом, Астхик с дочкой переезжают, а свадьба распалась. Жених ревновал невесту к своему дружку, избил ее. Теперь он волюнтерствует за дочкой кукольницы, угрожает ножом. А тот, которого Астхик видела со спины, пришел объясняться ей в любви. Но его жена... Тут уже пошли штампы, проза стала плохой, драма того хуже.

У драматурга А. Барсеяна просчет вызван другим: думается, у него жизненный материал вступил в противоречие с природой жанра, в который заключен Автор написал драму, тогда как ситуация явно комическая. Управляющий стройтрестом, вернувшись из заграничной командировки, получил анонимку, и с ним случился инфаркт. Он так и не догадывается, что автор клеветнических писем — его заместитель Рафаэль Ванян. Образ же этого проходимца написан по принципу «на воре шапка горит», вот только главному герою невдомек, кто рядом с ним...

Подлинным открытием в армянской драматургии следует считать пьесы П. Зайтунцяна, написанные им за последние полтора-два года. «Самый грустный человек» и «Легенда о разрушенном городе» («Аршак II»). П. Зайтунцяну 37 лет, он известен в республике как романист, его произведения переведены на русский язык. Теперь надо надеяться, с его драмами познакомится и русский театр: они этого заслуживают.

В первой пьесе драматурга «Самый грустный человек» еще заметны следы ученичества. Автор порою перегружает действия «драматургией мысли», идет больше от разума, чем от чувства. Ощутимо влияние сказок Евг. Шварца — в пьесе действует министр справедливости, министр сложных ситуаций, министр деликатных ситуаций. Автор самостоятелен в главном — в выборе героя, в исследовании необычайного случая. В основе драмы лежит документальный факт: человек, просидев в тюрьме 50 лет, как выяснилось, почти безвинным, в заточении стал известным ученым-орнитологом, написавшим свои труды в одиночной камере. Зайтунцяна на основе этого факта создал философскую драму-притчу о Страуде — юридически «мертвом человеке», который вступил в затяжной конфликт с Президентом, с мещанскими пред-

ставлениями о мире, о любви и человечности. Находясь в одиночной камере, Страуд борется с гангстерским обществом, с несправедливостью, со смертью.

Вторая пьеса — «Легенда о разрушенном городе» — трагедия; это эпическое, проблемное произведение. Автор снова отталкивается от факта: на этот раз от легенды об Аршаке II, собирателе государства, жестоком правителе. Потеряв опору в простых людях, не веря и феодалам, он решил построить город Аршакаван, построить руками голытьбы, бродяг и бездомных. Когда город был возведен, оказалось, что защищать его некому, потому что царь как был одинок, так и остался одиноким. Персы превратили город в руины, а царя заточили в темницу. Аршак гибнет под тяжестью своей вины.

В пьесе есть и недостатки: не прописана достаточно четко идейная программа Аршака, князя-феодала выглядят бледными фигурами. Но в целом, несомненно, талантливое произведение.

Самым популярным жанром в армянской драматургии является комедия, развивающаяся в самых различных формах. Ее в Армении любят и умеют писать. В театре имени Сундукяна я смотрел веселый спектакль — комедию Г. Арутюняна «Невеста с Севера». И сюжет в ней незамысловатый, и характеры ему под стать, но они выхвачены прямо из повседневности, отсюда и успех необычайный. Зрители смеются, переживают перепады любви молодого Артака и его русской невесты Вали из северной Богдановки. Все комические положения пьесы выстроены остроумно, в ней торжествует сочный народный юмор.

Много лет работает в нашей комедиографии известный сатирик-драматург Г. Тер-Григорян, настоящий мастер сатирического жанра. В последнее время театры Армении поставили две его новые комедии «Ходжи Пайлак» и «Поговорим начистоту». Обе пьесы целят в значительные мишени: иронией и смехом они громят низкопоклонство, глупость, бюрократизм, семейственность. В основе обеих комедий — анекдоты, раскрывающие серьезные истории и характеры, выворачивающие «наизнанку» то, что противоречит нашим идеалам. Комизм автора серьезный, сатирический, «агрессивный» по отношению к отрицательным явлениям.

Сатира Тер-Григоряна современна: на национальном материале писатель ставит интернациональные, общечеловеческие проблемы, решает их, используя традиции армянских классиков, опыт Маяковского и собственный, накопленный за 20 лет творчества. Думаю, что пора русским театрам, прежде всего комедийным, заинтересоваться пьесами видного армян-

ского драматурга. Помнится, его «Последние гвоздики» в Театре имени Моссовета имели успех. Новые комедии писателя стали крупнее по художественным задачам, ярче по остроте иронии.

Непросто в одной статье охватить даже основные направления, по которым развивается армянская советская драматургия. Уместно затронуть ее наиболее характерные явления и тенденции. К этому хочется добавить, что, хотя армянскими драматургами сделано немало и не скажешь, что драматургия отстает, однако совсем нелишне задуматься о ее завтрашнем дне. И второе — как ни интенсивно она развивается, не уйти от факта, что крупных и значительных пьес о современности пока еще мало.

Советская Армения — республика новейших заводов, технического прогресса, научной мысли. Всюду — на полях и виноградниках, на предприятиях, в научных институтах, в учреждениях культуры трудятся замечательные люди. Их жизнь, их свершения и заботы сами собой «просяются» в пьесы.

Следует расширять общественную проблематику, смелее вести поиск, больше уделять внимания таким жанрам, как философская драма, трагедия, сатирическая комедия. Все жанры хороши, когда они работают на дело, когда они насыщены идеями века, глубоким содержанием. Иногда получается так: мелодрама или водевиль слабоваты, пустоваты, ну и пусть, тут, дескать, проблемность не обязательна. Мириться с подобными взглядами нельзя: жизненность конфликтов, яркость и неповторимость характеров — необходимое условие творчества вообще. Вопрос может стоять только о том, что касается жанровой специфики преломления жизненного содержания.

Создание пьес интернационального духа, насыщенных идеями, проблемами, общими для всех народов, строящих социализм, — вот одна из первостепенных задач, стоящих и перед армянскими драматургами. Их пьесы можно встретить в афишах ряда театров братских республик. Однако речь идет о более весомом вкладе драматургии Армении в «копилку» многонациональной советской литературы. Вклад этот можно охарактеризовать словами В. Г. Белинского, который говорил об интернациональном направлении творчества, подчеркивал: «Необходимо, чтоб национальный поэт имел великое историческое значение не для одного своего отечества, но чтобы его явление имело всемирно-историческое значение».

В русле этого направления только и возможны серьезные победы, в том числе и в драматургической литературе.

В. ФРОЛОВ,
доктор искусствоведения.